

ПРОСТО СЕРДЦЕ

СТИХИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЭТОВ

Марина Ивановна Цветаева родилась 26 сентября 1892 года в Москве, в семье профессора Московского университета И. В. Цветаева. Писать стихи начала с шести лет, печататься — с шестнадцати. Первый сборник ее стихотворений — «Вечерний альбом» — вышел в 1910 г., второй — «Волшебный фонарь» — в 1912 г., третий — «Из двух книг» — в 1913 г. Стихи юной Цветаевой отличались, несмотря на незрелость некоторых из них, непосредственностью чувств и самостоятельностью выражения. Они были отмечены в печати такими поэтами, как М. Волошин, В. Брюсов.

В 1921 и 1922 гг. в Москве вышли два сборника Цветаевой «Версты» (в первый вошли стихи 1917—1920 гг., во второй — 1916 г.). В стихах этих лет Цветаева заявила о себе как сильный и глубокий роман-

тик, в чью поэзию проникла стихия русской народной речи. В 1922 г. отдельным изданием вышла поэма-сказка «Царь-Девница» (в Москве и в Берлине).

Следующие стихотворные сборники Цветаевой — «Разлука», «Стихи к Блоку» (1922), «Психея» и «Ремесло» (1923) — вышли в Берлине, так как в начале 1922 г. Цветаева уехала за границу. Сначала она жила в Германии, затем в Чехословакии, а с конца 1925 по 1939 г. — во Франции. В 1924 г. в Праге вышла втора» ее поэма-сказка «Молодец»; в 1928 г. — книга стихов «После России» (Париж). Последний большой цикл антифашистских «Стихов к Чехии» (1938—1939) при жизни автора напечатан не был.

Для зрелого поэтического творчества Цветаевой характерен высокий строй чувств и мыслей, емкий, точный стих, пружинящий, вихревой ритм, афористичность речи. Помимо лирических стихов, Цветаева написала семнадцать поэм, восемь стихотворных драм. Она была замечательным прозаиком. Ею написано несколько автобиографических очерков, воспоминаний о русских поэтах, критико-философских этюдов о Пушкине, Маяковском, Пастернаке.

Цветаева переводила на французский язык размером подлинника стихотворения Пушкина и Лермонтова, русские революционные песни прошлого и песни на слова современных ей советских поэтов.

В 1939 г. Цветаева вернулась на родину. Здесь она хотя и недолго, но плодотворно переводила на русский язык стихи европейских поэтов и поэтов народов СССР. Переводы Цветаевой на русский язык отличаются глубоким проникновением в дух вещи, что, как она утверждала, «больше, чем смысл».

31 августа 1941 г. жизнь Цветаевой трагически оборвалась в Елабуге на Каме, куда она попала во время эвакуации.

Сборник «Просто сердце» включает все из сохранившегося наследия Цветаевой — переводчицы зарубежной поэзии.

М А С Т Е Р А П О Э Т И Ч Е

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

П. АНТОКОЛЬСКОГО, Е. ВИНОКУРОВА,

М. ЗЕНКЕВИЧА, Н. ЛЮБИМОВА и

Б. СЛУЦКОГО

ВЫПУСК 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО « П Р О Г Р Е С С »

С К О Г О П Е Р Е В О Д А

ПРОСТО СЕРДЦЕ

СТИХИ

ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЭТОВ

В ПЕРЕВОДЕ

МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

М О С К В А

1 9 6 7

СОСТАВИЛИ А. ЭФРОН и А. СААКЯНЦ
ПРЕДИСЛОВИЕ ВЯЧ. ИВАНОВА
РЕДАКТОР ВЫПУСКА БОРИС СЛУЦКИЙ

О ПЕРЕВОДАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В творчестве Марины Цветаевой поэтические переводы занимают меньшее по объему место, чем ее собственные стихи, поэмы, пьесы, проза и статьи. Читатель до сих пор был знаком лишь с небольшой частью ее творческого наследия, но и то, что мы знаем, поражает нас своей неудержимостью, широтой, буйством. В переводах Цветаевой сказалась та же ее неуемная, всеобъемлющая сила. Миры, в которых жила ее поэзия, объединявшая их внутренним своим огнем, почерки, которыми она писала, отличались друг от друга. Это облегчало выбор того из них, который отвечал переводимым ею стихам: тяжеловесной поступи образов, увиденных ею на космических фресках Бодлера, льющейся из самого сердца песни Лорки с ее чистотой без примеси, озорству народных баллад. Ее переводы непосредственно примыкают к таким ее стихам, где она дает свои вариации давно уже разработавшихся тем, например Федры.

В одной из своих статей о поэзии Манделштам заметил, что каждый век по-своему читает книги — для нашего столетия Расин раскрылся на «Федре». Для самого Манделштама и для Цветаевой «черное солнце» Федры послало свои лучи прямо в их жизнь, ставшую трагедией рока. По отцу сроднившаяся с классической древностью,

Цветаева больше всех великих русских поэтов новейшего времени в своих стихах воскрешала мифологические традиции. В ее стихах оживали не только герои Библии, Гомера и античных трагедий; в тот же пантеон ее богов, полубогов и героев входили и действующие лица славянских или германских преданий и песен, персонажи французского XVIII века. В мифах и поэтическом наследстве разных времен Цветаева находила скрытые запасы взрывчатой силы. Такой же силой наполнялись ее стихи при прикосновении ко всему подлинному — будь то народная песнь, стихи большого поэта, ее собственная страсть, деревья, мосты, пригороды. Все становилось у нее поводом для откровений. Одним из таких поводов мог быть подлинник переводимого стихотворения.

Свое понимание поэтического перевода Цветаева всего яснее выразила в одном из писем, написанных в ту пору, когда она переводила стихи Пушкина на французский язык: «Мне твердят: Пушкин неперево́дим. Как *может* быть неперево́дим *уже* переведший, переложивший на свой (общечеловеческий) язык несказанное и несказанное? Но переводить *такого* переводчика должен поэт»*. Поэт, переводящий другого поэта, должен услышать то, что слышалось автору подлинника, разглядеть то, что тому привиделось. Личности двух поэтов не могут совпадать полностью; оттого, как пишет Цветаева в замечательной своей статье о «Лесном Царе» Гёте и его переводе Жуковским, в подлиннике и переводе могут открыться «две вариации на одну тему, два видения одной вещи, два свидетельства одного видения».

Примером подобного нового истолкования образов, переданных в подлиннике, может служить цветаевский пере-

* Цитирую по статье А. Эфрон, А. Саакянц, Марина Цветаева — переводчик, «Дон», 1966, № 2, стр. 178.

вод «Плаванья» Бодлера. Многое в этом стихотворении было близко духу поэзии самой Цветаевой, столь же беспощадной к обывательскому внешнему благополучию, одержимой своими озарениями и не страшившейся самых крайних выводов из своих поэтических убеждений, как и Бодлер. На поэзии Бодлера, как позднее на вещах Верлена, Рембо, Лотреамона, лежал отсвет потрясений и бурь, во многом перекликающихся с событиями, чьим современником и участником была Цветаева. К этому созвездию великих поэтов Франции прошлого века, как и к пришедшим после Блока русским поэтам — Пастернаку, Маяковскому, Хлебникову, Есенину, Цветаевой, Ахматовой, Мандельштаму, приложимы — с поправкой на век и страну — слова, сказанные Цветаевой в статье «Поэт и время»: «Ни одного крупного русского поэта современности, у которого после Революции не дрогнул и не вырос голос, — нет». Стирая различия времен и одежд, Цветаева, переводя Бодлера, передавала суть своего — и его — исторического опыта:

Мучителя в цветах и мученика в ранах,
Обжорство на крови и пляску на костях,
Безропотностью толп разнузданных тиранов, —
Владык, несущих страх, рабов, метущих прах.

Но еще более, чем в содержании этих строк, построенных почти что по канонам классической риторики, на самом стиле всего ее перевода сказался дух бунтарства, владевший ею, как и Бодлером. Обоих поэтов роднит сходство их свободного обращения с унаследованными формами стиха, внезапность разрывов повествования посреди строки или строфы, смелость переносов и переходов от одной строки к другой:

Чернильной водой — морями глаже лака —
Мы весело пойдем между подземных скал.
О, эти голоса, так вкрадчиво из мрака
Взывающие: «К нам!» О, каждый, кто взалкал
Лотосова плода! Сюда! В любую пору
Здесь собирают плод и отжимают сок.

Русскому читателю в этих строках, точно передающих строение подлинника, слышатся знакомые ноты цветаевских стихов со свойственным им (но гораздо более частым) вынесением в начало следующей строки главного слова предшествующей фразы. В подобных строфах Цветаева достигает большего, чем буквальная верность оригиналу. Она передает живое течение стиха подлинника, стремительное становление растущих друг из друга образов, строк и слов:

Мечта, извечный дуб, питаемый землей!
Чем выше ты растешь, тем ты страстнее хочешь
Достигнуть до небес с их солнцем и луной.
Докуда дорастешь, о древо — кипариса
Живучее?

Здесь на русскую почву пересаживаются не отдельные строки, а само дерево, тянущееся к небу. Цветаева возвращает нас к первоисточнику этого образа — древнему мифу, где такое дерево соседило с солнцем и луной, как в цветаевском переводе (у Бодлера названо только солнце, к которому тянутся ветви дерева).

В двух заключительных четверостишиях «Плаванья» и в отдельных строках-формулах (таких, как «Плывущие — чтоб плыть») Цветаева достигает совершенной построчной и пословной передачи подлинника, происходит чудо полного перевоплощения. Другие же строки и строфы подчас

меняются в ее переводе, особенно там, где у Бодлера появляются образы, едва ли совместимые с поэтикой самой Цветаевой. Так, «звездочеты, утонувшие в глазах женщины, тиранической Цирцеи, чьи ароматы опасны», в переводе Цветаевой становятся теми, кто провел полжизни в тени «Цирцейных ресниц» (сочетание с характерной для Цветаевой звукописью: *ц... ц... ин... и ниц* — одни и те же звуки в обратном порядке). Ароматы, столь часто сопутствующие женщинам на страницах «Цветов зла» Бодлера и так редко упоминаемые в стихах самой Цветаевой, исчезли из ее перевода. Зато имя Цирцеи, у Бодлера названное лишь один раз, Цветаева повторит и в следующем четверостишии, как бы разъясняя внутреннюю подразумеваемую связь образов Бодлера; оттого и «след поцелуя» в этом месте стихотворения Цветаевой переведен более определенно — как «следы волшебницыных уст» (то есть уст той же Цирцеи). Как здесь повторение имени Цирцеи понадобилось для более наглядного изложения образов подлинника, так и уже цитировавшиеся точно переведенные строки о «лотосовом плоде» Цветаева продолжает, еще и еще раз повторяя слово «лотосов»:

Сюда, где круглый год — день лотосова сбора,
Где лотосову сну вовек не минет срок.

В подлиннике в этих двух строках «лотос» не упомянут и говорится лишь о «странной сладости этого послеполуденного времени, которому нет конца». Восточная нега бодлеровских образов теряется в напряженных повторах Цветаевой.

Такое же отступление от буквальности в передаче частностей при верном следовании общему замыслу оригинала видно и в том, как Цветаева свободно опускает античные и другие иноязычные имена, заменяя их отвеча-

ющими тому же смыслу другими словами («друг» вместо «Пилада», «Рай» вместо «Капуи»). У поэта, пишущего настолько одержимо, «неостановимо», взхлеб, как Цветаева, не всегда легко отличить обдуманый замысел от следствий взаимной тяги слов друг к другу (например, в рифме). Но многочисленные черновики ее переводов и собственные ее признания о том, как она над ними работала, заставляют думать, что Цветаева отнюдь не брала первое пришедшее ей на ум созвучие. В строке «Как на заре веков мы отплывали в Перу» образ конкистадоров — покорителей Америки введен в переводе вместо отплытия в Китай, для читателей нашего века уже утратившего часть своего экзотического ореола. В строке «Душа наша — корабль, идущий в Эльдorado» Цветаева заменяет посредством Эльдorado (более знакомого читателю) Икарию, названную в соответствующем месте подлинника. У Бодлера Эльдorado упомянуто в следующем четверостишии, где Цветаева заменяет его видением «земли с плодами янтаря, лазоревой водой и с изумрудным дерном», опуская здесь и отвлеченные олицетворения «Судьбы» и «Воображения», выступающие в оригинале. Так же отвлеченная аллегория «Любопытства, которое нас мучит и кружит», заменяется у нее зримым и резким «Нас Лихорадка бьет».

«Пустыня тоски» у Бодлера становится цветаевской «песчаностью тоски». Там, где у Бодлера «человек, ищущий покоя, все время бежит как безумец», у Цветаевой рождается сравнение в духе ее собственной поэтики:

Игра, где человек охотится за тенью,
За призраком ладьи на призрачной воде.

Те, кто «опьяняется пространством» у Бодлера, в переводе стали «глотателями широт», сразу напоминающими «глотатели пустот» в стихах Цветаевой.

Как писала сама Цветаева, переводческую работу она начинала с «лучших основных строк», передавая их точно. Так, в двух последних строках начального четверостишия «Плаванья» Цветаева передает смысловое противопоставление (*велик — мал*), напоминающее ее собственные стихи и прозу, подкрепляя его внутренними звуковыми переключками слов (*лучах — очах, лампы — памяти — мал*, где *л, а, м, п* повторяются в разном порядке), спаивающими воедино эти строки:

Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах — как бесконечно мал!

Первая строка («Для отрока, в ночи глядящего эстампы») в переводе Цветаевой связывается с третьей не только рифмой, но и упоминанием ночи (когда зажигается лампа), у Бодлера не названной. Вторая строка («Мир отвечает его — отрока — прожорливому аппетиту»), у Бодлера явно повторяющая смысл других, более сильных строк и оттого несущественная, у Цветаевой заменена блистательной зримой формулой в ее духе: «За каждым валом — даль, за каждой далью — вал», и по звучанию, и по значению слитой с главными заключительными строками четверостишия. Так, жертвуя менее важными или чуждыми ей частностями, Цветаева добивается воссоздания духа подлинника. Для русского читателя он становится вровень с лучшими образцами нашей поэзии, со времен Блока стремившейся к таким же всеохватывающим образам миров, которые крутятся, как волчки или как волчкообразные модели атомов и планетных систем:

О, ужас! Мы шарам катящимся подобны,
Крутящимся волчкам! И в снах ночной поры
Нас Лихорадка бьет — как тот Архангел злобный,
Невидимым бичом стегающий миры.

Другого рода родство объединяло Цветаеву и Лорку, двух современников, великих лирических поэтов, не только стихи, но и страшные и в чем-то сходные судьбы которых стали воплощением века, его образом и его голосом; недаром стихи Лорки Цветаева переводила за два месяца до своей трагической смерти, предсказанной ею в своих стихах:

Так, когда-нибудь, в сухое
Лето, поля на краю,
Смерть рассеянной рукою
Снимет голову — мою *.

Стоит заметить, что приведенные стихи Цветаевой были написаны почти одновременно со смертью Лорки.

Цветаевой больше всего удавались те места в ее переводах Лорки, где она точно перелагала бесхитростные, полные страдания строки, порой созвучные ее собственной лирике последних лет. Безыскусственность стихов, обращенных Лоркой к родным местам:

О, где-то затерянное селенье
В моей Андалусии
Слезной

напоминает цветаевские обращения к родине, относящиеся к лучшему из всего, что ею написано, и потрясающие самыми простыми сочетаниями слов:

Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится **.

Цветаева при всех вынесенных ею мучениях разобщения с родиной была от нее так же неотъединима, как

* Марина Цветаева, Избранные произведения, М.—Л., 1965, стр. 322.

** Там же, стр. 274.

Лорка от испанской деревни. В стихах обоих поэтов откликнулись с детства слышанные голоса крестьянских песен. Лорка приводил в пример народные реченья, объясняя кажущуюся темноту образов своего любимого испанского поэта Гонгоры. Так же и Цветаева могла бы тем, кто упрекал ее стихи (особенно двадцатых и тридцатых годов) в нарочитой усложненности, ответить ссылкой на русские народные песни — с их плетением порою замысловатых образов и тонкостью сочетаний ритмов, близких именно новейшей русской поэзии. Одно из самых больших удач Цветаевой было найденное ею соответствие стиха Лорки с его явными истоками в народной словесности и таких форм русского стиха, где сами окончания слов и строк (*начинается — разбивается*) напоминают о русских народных песнях с таким же соположением слов и образов, вторящих друг другу:

Начинается
Плач гитары.
Разбивается
Чаша утра.

Порой Цветаева усиливала сходство этих повторяющихся сочетаний, у Лорки иногда не так близких друг к другу, как в ее переводе:

Как вода по наклонам — плачет,
Как ветра над снегами — плачет.

У Лорки: «Как плачет вода, как плачет ветер над снегом».

Тем же стремлением передать присущие народной поэзии (а от нее — и стихам Лорки, как и стихам самой Цветаевой) повторы можно объяснить и то, что одной строке Лорки «На лысой горе» отвечают две цветаевские строки:

На темени горном,
На темени голом,

как и одной строке Лорки, говорящего о вечном вращении флюгера, отвечают три строки Цветаевой:

Вращается денно,
Вращается ночью,
Вращается вечно.

Если здесь Цветаева возвращает стихи Лорки к их народным песенным первоисточникам, то скорее ее собственный голос слышится в добавленных ею (и отсутствующих в подлиннике «Пустыни») строках:

Умолкло, заглохло,
Остыло, иссякло,

заставляющих вспомнить такие же повторы глаголов в ее стихах, написанных почти одновременно с подлинником этого цикла стихов Лорки и во многом ему внутренне близких:

...Светом в тебя расслаиваюсь,
Расхожусь. Тоской
На гитарный лад
Перестраиваюсь,
Перекраиваюсь*.

Особенно много частных, принадлежащих не подлиннику, а переводу, стремящемуся передать скорее цветовой поток образов Лорки, чем каждый из этих образов в отдельности, можно найти в «Пещере» Лорки. Отличие этого перевода от других сказалось и в том, что здесь Цве-

* Марина Цветаева, Избранные произведения, М.—Л., 1965, стр. 273.

таева использовала размер, употребляемый по традиции в русских переложениях испанских поэтов, и поэтому дальше отошла от той песенной стихии, которая объединяет цитированные выше переводы и их прообраз.

Цветаева сама писала о том, что народные песни на любом языке, ей известном, признает своими. Недаром ей так удавались переводы всех поэтов, принадлежавших к традициям, которые прямо восходят к народной, таких, как многие славянские и грузинская (Важа Пшавела). Ее необычайная близость к русской народной словесности, выделяющая ее среди почти всех современных ей великих русских поэтов (за исключением Ахматовой, народные черты лирики которой так верно уловил еще Мандельштам в ранней статье «Буря и натиск»), сказала, быть может, глубже всего даже не в тех вещах, где (как в «Царь-Девице») это очевидно на первый же взгляд, а в самом внутреннем построении лучших ее стихов с присутствием народной песни чередованием вопросов и ответов двух голосов:

«А целовалась, бабушка,
Голубушка, со сколькими?»
— «Я дань платила песнями,
Я дань взымала кольцами.
Ни ночки даром проспанной:
Всё в райском во саду!»
— «А как же, бабка, господу
Предстанешь на суду?»
— «Свистят скворцы в скворешнице,
Весна-то — глянь! — бела...
Скажу: — Родимый, — грешница!
Счастливая была!» *

* Марина Цветаева, Избранные произведения, М.—Л., 1965, стр. 149.

Оттого с такой естественностью Цветаева передает бретонские и немецкие народные песни, и словарем и двухголосостью напоминающие многие ее стихи:

— А что мне делать поутру,
Скажи, разумница моя!
— Надень, что снял, забудь, что знал...
Свет всюду бел, а мир — не мал!
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

Но, быть может, наибольшим достижением в переводах народных песен были выполненные Цветаевой переложения баллад о Робине Гуде. Самый их размер в балладе о спасении трех стрелков Робинот Гудом искусно передан благодаря тому, что в ямбические русские стихи с чередованием четырехстопных и трехстопных строк вставлены всего лишь три строки иного, трехсложного размера («Весел люд, весел гусь, весел пес»; «Зелен клен, зелен дуб, зелен вяз»; «Робин гип! Робин гэп! Робин гоп!»). В балладе «Робин Гуд и Маленький Джон» Цветаева обнаруживает свое небывалое мастерство в таком свободном употреблении трехсложных размеров, которое в русской поэзии нашего века неразрывно связалось с ее именем и с именем Пастернака. Свойственная народной балладе звуковая сплоченность слов подкреплена внутренними рифмами:

Стал *гордец гордеца, молодец молодца*
Молотить — что овес на гумне!

В этих строках и слово *молотить* оказывается как бы особой рифмой (согласующейся началами, а не концами слов) к слову *молодца*. Нигде в цветаевских переводах на-

родных песен ее владенье всеми красками языка не ска-
залось с такой силой:

Полувброд, полувплавь, полумертв, полужив,
Вылез — мокрый, бедняжка, насквозь!

Через всю жизнь Цветаева пронесла неистовую любовь к русской речи, огромную, как ее преданность России. С раннего детства, описанного в ее прозе, Цветаева впитывала в себя черты языка, для поэтического преображения которого сделала, быть может, больше, чем все другие русские поэты нашего столетия — не изобретая новое в со-гласии с духом языка (как Хлебников), а делая его ору-дием для выражения своей души и души своего траги-ческого века. Даже очередям времени гражданской вой-ны Цветаева была благодарна за то, что они ей «дали хо-роший русский язык (речь, молвь)», за то, что в них слу-шала, как говорят «мастеровые, бабки, солдаты» («Отрыв-ки из дневника. Из московских записей»). Проникновение в дух и в плоть родного языка открыло для нее и отли-чительные свойства других языков. Сколько раз в своих статьях ссылается она на французские и немецкие ре-чения, раскрывающие те стороны мира, которые иначе мог-ли бы остаться незамеченными; так, говоря в статье «Ис-кусство при свете совести» о том, что «Земля тоже рабо-тает», Цветаева приводит соответствующее французское выражение. Ее умение перевоплотиться в другой язык мож-но сравнить лишь с такой же чертой у Рильке, которого она бесконечно высоко ценила (и переводила со второго из языков его поэзии — французского).

Перевод Цветаевой из Рильке — лишь малая часть все-го того, что она ему посвятила в своих стихах и в прозе. Рильке с его любовью к России, заставлявшей его даже писать стихи по-русски и перед смертью говорить о Рос-

сии, был бесконечно ей близок своей равной причастностью к земле и к небу, всем своим образом серафима, бурей занесенного в наш век, такой чуждый для него и так его мучивший. Этот серафим явился на перепутье Цветаевой, как раньше Пастернаку. Их поэзию нельзя представить себе вне влияния Рильке, так же как самого Рильке нельзя представить себе вне всех влияний России.

Дар языка позволил Цветаевой осуществить переводы Пушкина на французский язык, затмевающие другие его переводы. Сравнивая эти переводы с прозой Цветаевой о Пушкине, можно увидеть, что она передала в них не буквально оригинал, а свои восприятия пушкинских стихов, пронесенные сквозь всю жизнь и обогащенные ее собственным опытом. Ее перевод пушкинской песни Председателя из «Пира во время чумы» представляет собой французское истолкование этого любимого ее стихотворения, прозаическую интерпретацию которого она дала в лучшей своей статье «Искусство при свете совести», говоря о наитии стихий на поэта. Ее перевод «Бесов» передает стремительный полет пушкинских видений и его хореический пляшущий размер (как в песне из «Пира во время чумы» сквозь особенности французского стиха звучит русский ямб). В этом переводе невольно оказалась одна строка из «Зимней дороги» («Ни огня, ни черной хаты»), потому что два эти стихотворения Пушкина для Цветаевой с детства слиты в один образ пушкинской зимней дороги, над которой светит луна-невидимка (об этом она пишет в статье «Мой Пушкин»).

Переводы на французский были выполнены много лет спустя после совсем вольного переложения шекспировской песни и первого (значительно более буквального) опыта перевода Маяковского на французский язык. Эти переводы подготовили принципы еще более поздних переводов на

русский язык, которые разбирались выше. На поздних переводах Цветаевой лежит печать того ее стиля, близкого к классическому, который ею выработывался в конце 30-х годов после разнородных стилистических исканий, столь обогативших и ее возможности переводчика. Во всей своей переводческой работе зрелых лет (из которых последние полтора года главным образом были посвящены, поэтическому переводу) Цветаева следовала мысли, сформулированной в то время, когда она переводила Пушкина: «Главное, что хотелось, — возможно ближе следовать Пушкину, но следовать не рабски, что неминуемо заставило бы меня остаться *позади*, отстать от — текста и поэта. Каждый раз, что я продавалась в рабство, теряли на этом *стихи*» *.

По самому духу своей поэзии Цветаева не умела продаваться в рабство, чем бы ей ни грозила свобода — полным одиночеством, невозможностью печататься, жизнью впроголодь в эмиграции, о которой мы знаем из горьких ее писем, всем крестным ее путем.

Оставаясь внутренне свободной, Цветаева создавала такие переводы, которые вместе с ее стихами и прозой относятся к лучшему из написанного в нашем веке на русском языке.

В этом году исполняется 75 лет со дня рождения Марины Цветаевой.

Вяч. Иванов

* Цитирую по названной выше статье А. Эфрон, А. Саакянц, стр. 178.

ЛИРИКА

Я перевожу по слуху — и по духу (вещи). Это больше, чем «смысл».

Марина Цветаева

Из французской поэзии

ШАРЛЬ БОДЛЕР

(1821—1867)

ПЛАВАНЬЕ

Максиму дю Кан

1

Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждым валом — даль, за каждой далью — вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах — как бесконечно мал!

В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль — и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.

Что нас толкает в путь? Тех — ненависть
к отчизне,
Тех — скука очага, еще иных — в тени
Цирцеиных ресниц оставивших полжизни, —
Надежда отстоять оставшиеся дни.

В Цирцеиных садах дабы не стать скотами,
Плывут, плывут, плывут в оцепенении чувств,
Пока ожоги льдов и солнц отвесных пламя
Не вытравят следов волшебницыных уст.

Но истые пловцы — те, что плывут без цели:
Плывущие — чтоб плыть! Глотатели широт,
Что каждую зарю справляют новоселье
И даже в смертный час еще твердят: вперед!

На облако взгляни: вот облик их желаний!
Как отроку — любовь, как рекруту — картечь,
Так край желанен им, которому названья
Доселе не нашла еще людская речь.

2

О, ужас! Мы шарам катящимся подобны,
Крутящимся волчкам! И в снах ночной поры
Нас Лихорадка бьет — как тот Архангел злобный,
Невидимым бичом стегающий миры.

О, странная игра с подвижною мишенью!
Не будучи нигде, цель может быть — везде!
Игра, где человек охотится за тенью,
За призраком ладьи на призрачной воде...

Душа наша — корабль, идущий в Эльдorado.
В блаженную страну ведет — какой пролив?
Вдруг, среди гор и бездн и гидр морского ада —
Крик вахтенного: — Рай! Любовь! Блаженство! —
Риф.

Малейший островок, завиденный дозорным,
Нам чудится землей с плодами янтаря,
Лазоревой водой и с изумрудным дерном.
Базальтовый утес являет нам заря.

О, жалкий сумасброд, всегда кричащий: берег!
Скормить его зыбям, иль в цепи заковать, —
Безвинного лгуна, выдумщика Америк,
От вымысла чьего еще серее гладь.

Так старый пешеход, ночующий в канаве,
Вперяется в Мечту всей силою зрачка.
Достаточно ему, чтоб Рай увидеть въяве,
Мигающей свечи на вышке чердака.

3

Чудесные пловцы! Что за повествованья
Встают из ваших глаз — бездоннее морей!
Явите нам, раскрыв ларцы воспоминаний,
Сокровища, каких не видывал Нерей.

Умчите нас вперед — без паруса и пара!
Явите нам (на льне натянутых холстин)
Так некогда рука очам являла чару)
Видения свои, обрамленные в синь.

Что видели вы, что?

4

— Созвездия. И зыби,
И желтые пески, нас жгущие поднесь,
Но, несмотря на бурь удары, рифов глыбы, —
Ах, нечего скрывать! — скучали мы, как здесь.

Лиловые моря в венце вечерней славы,
Морские города в тиаре из лучей

Рождали в нас тоску, надежнее отравы,
Как воин опочить на поле славы — сей.

Стройнейшие мосты, славнейшие строенья,
Увы, хотя бы раз сравнились с градом — тем,
Что из небесных туч возводит Случай-Гений...
И тупились глаза, узревшие Эдем.

От сладостей земных — Мечта еще жесточе!
Мечта, извечный дуб, питаемый землей!
Чем выше ты растешь, тем ты страстнее

хочешь

Достигнуть до небес о их солнцем и луной.

Докуда дорастешь, о древо — кипариса
Живучее?..

Для вас мы привезли с морей

Вот этот фас дворца, вот этот профиль мыса, —
Всем вам, которым вещь чем дальше — тем
милей!

Приветствовали мы кумиров с хоботами,
С порфировых столпов взирающих на мир,
Резьбы такой — дворцы, такого взлету —

камень,

Что от одной мечты — банкротом бы — банкир...

Надежнее вина пьянящие наряды,
Жен, выкрашенных в хну — до ноготка ноги,
И бронзовых мужей в зеленых кольцах гада...

5

— И что, и что — еще?

— О, детские мозги!..

Но чтобы не забыть итога наших странствий:
 От пальмовой лозы до ледяного мха,
 Везде — везде — везде — на всем земном
 пространстве
 Мы видели всё ту ж комедию греха:

Ее, рабу одра, с ребячливостью самки
 Встающую пятой на мыслящие лбы,
Его, раба рабы: что в хижине, что в замке
 Наследственном — всегда — везде — раба рабы!

Мучителя в цветах и мученика в ранах,
 Обжорство на крови и пляску на костях,
 Безропотностью толп разнузданных тиранов, —
 Владык, несущих страх, рабов, метущих прах.

С десяток или два — *единственных* религий,
 Все сплошь ведущих в рай — и сплошь вводящих
 в грех!

Подвижничество, так носящее вериги,
 Как сибаритство — шелк и сладострастье — мех.

Болтливый род людской, двухдневными делами
 Кичащийся. Борец, осиленный в борьбе,
 Бросающий Творцу сквозь преисподни пламя:
 — Мой равный! Мой господь! Проклятие тебе!

И несколько умов, любовников Безумья,
 Решивших сократить докучный жизни день
 И в опия морей нырнувших без раздумья, —
 Вот Матери-Земли извечный бюллетень!

7

Бесплодна и горька наука дальних странствий:
Сегодня, как вчера, до гробовой доски —
Всё наше же лицо встречает нас в пространстве:
Оазис ужаса в песчаности тоски.

Бежать? Пребыть? Беги! Приковывает бремя —
Сиди. Один, как крот, сидит, другой бежит,
Чтоб только обмануть лихого старца — Время.
Есть племя бегунов. Оно — как Вечный Жид.

И как апостолы, по всем морям и сушам
Проносится. Убить зовущееся днем —
Ни парус им не скор, ни пар. Иные души
И в четырех стенах справляются с врагом.

В тот миг, когда злодей настигнет нас — вся вера
Вернется нам, и вновь воскликнем мы: — вперед!
Как на заре веков мы отплывали в Перу,
Авророю лица приветствуя восход.

Чернильного водой — морями глаже лака —
Мы весело пойдем между подземных скал.
О, эти голоса, так вкрадчиво из мрака
Зывающие: — К нам! — О, каждый, кто взалкал

Лотосова плода! Сюда! В любую пору
Здесь собирают плод и отжимают сок.
Сюда, где круглый год — день лотосова сбора,
Где лотосову сну вовек не минет срок.

О, вкрадчивая речь! Нездешней лести нектар!
К нам руки тянет друг — чрез черный водоем.
— Чтоб сердце освежить — плыви к своей

Электре! —

Нам некая поет — нас жегшая огнем.

8

Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь
ветрило!
Нам скучен этот край! О, Смерть, скорее в путь!
Пусть небо и вода — куда черней чернила,
Знай, тысячами солнц сияет наша грудь!

Обманутым пловцам раскрой свои глубины!
Мы жаждем, обозрев под солнцем все, что есть,
На дно твое нырнуть — Ад или Рай — едино! —
В неведомого глубь — чтоб *новое* обрести!

Из английской поэзии

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

(1564—1616)

ПЕСНЯ СТЕФАНУ
из второго акта драмы „Буря“

Капитан, пушкарь и боцман —
Штурман тоже, хоть и с е д , —
Мэгги, Мод, Марион и Молли —
Всех лю б и л и , — кроме Кэт.

Не почтят сию девицу
Ни улыбкой, ни х у л о й , —
Ибо дегтем тяготится,
Черной брезгует смолой.

Потерявши равновесье,
Штурман к ней направил ход.
А она в ответ: «Повесься!»
Но давно уж толк идет,

Что хромой портняжка потный —
В чем душа еще сидит! —
Там ей чешет, где щекотно,
Там щекочет, где зудит.

Кэт же за его услуги
Платит лучшей из монет...
— В море, в море, в море, други!
И на виселицу — Кэт!

Из немецкой поэзии

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ

(1749—1832)

* * *

Кто с плачем хлеба не вкушал,
Кто, плачем проводив светило,
Его слезами не встречал,
Тот вас не знал, небесные силы!

Вы увлекаете нас в сад,
Где обольщения и чары;
Затем ввергаете нас в ад:
Нет прегрешения без кары!

Увы, содеявшему зло
Аврора кажется геенной!
И остудить повинное чело
Ни капли влаги нет у всех морей
вселенной!

Из австрийской поэзии

РАЙНЕР МАРИА РИЛЬКЕ

(1875—1926)

* * *

Кто нам сказал, что всё исчезает?
Птицы, которую ты ранил, —
Кто знает? — не останется ли ее полет?
И, может быть, стебли объятий
Переживают нас, свою почву.

Длится не жест,
Но жест облакает вас в латы,
Золотые — от груди до колен.
И так чиста была битва,
Что ангел несет ее вслед.

Из испанской поэзии

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА

(1898—1936)

ГИТАРА

Начинается
Плач гитары.
Разбивается
Чаша утра.
Начинается
Плач гитары.
О, не жди от нее
Молчанья,
Не проси у нее
Молчанья!
Гитара плачет,
Как вода по склонам — плачет,
Как ветра над снегами — плачет,
Не моли ее
О молчаньи!
Так плачет закат о рассвете,
Так плачет стрела без цели,
Так песок раскаленный плачет

О прохладной красе камелий,
Так прощается с жизнью птица
Под угрозой змеиного жала.
О, гитара,
Бедная жертва
Пяти проворных кинжалов!

ПЕЙЗАЖ

Масличная равнина
Распахивает веер.
Над порослью масличной
Склонилось небо низко,
И льются темным ливнем
Холодные светила.
На берегу канала
Дрожат тростник и сумрак,
А третий — серый ветер.
Полным-полны маслины
Тоскливых птичьих криков.
О, бедных пленниц стая!
Играет тьма ночная
Их длинными хвостами.

СЕЛЕНЬЕ

На темени горном,
На темени голом —
Часовня.
В жемчужные воды
Столетие никнут
Маслины.
Расходятся люди в плащах,

А на башне
Вращается флюгер,
Вращается денно,
Вращается ночью,
Вращается вечно.
О, где-то затерянное селенье
В моей Андалусии
Слезной...

ПУСТЫНЯ

Прорытые временем
Лабиринты —
Исчезли.
Пустыня —
Осталась.

Несмолчное сердце —
Источник желаний —
Иссякло.
Пустыня —
Осталась.

Закатное марево
И поцелуи
Пропали.
Пустыня —
Осталась.

Умолкло, заглохло,
Остыло, иссякло,
Исчезло.
Пустыня —
Осталась.

ПЕЩЕРА

Из пещеры — вздох за вздохом,
Сотни вздохов, сонмы вздохов,
Фиолетовых на красном.

Глот цыгана воскрешает
Страны, канувшие в вечность,
Башни, врезанные в небо,

Чужеземцев, полных тайны...

В прерывающемся стане
Голоса, и под высокой
Бровью — черное па красном.

Известковую пещеру
Дрожь берет. Дрожит пещера
Золотом. Лежит пещера —
В блеске — белая на красном —
Павою...

— Струит пещера
Слезы: белое на красном...

Здесь еще не ступала нога человека.
Эти лица — людей или глыб?
Ветер дует с начала творенья.
Этот остров возьму под стопы и руками
его повторю,
Разрешу мирозданье по-новому,
Сразу.
О, поднять бы, руками поднять ту воздушную
линию гор,
Чтобы стали они,
Чтобы стали те горы двумя
Запрокинутыми над головою руками.

ЛЮЦИАН ШЕНВАЛЬД

(1910—1944)

РАССВЕТ

(Вступление к поэме „Сцена у ручья“)

Глинозема седым бурьяном,
Желтым полем, звенящим вслед,
В глубь дубового океана
Боязливо бредет рассвет.

В темной гуще, где все заглохло,
Просыпается каждый листик.
В свежих листьях — тысячи вздохов,
Грачьих карков, иволжьих свистов.

Утирает лицо листвою
Яблонь дикая в чаще сонной.
Жемчугами плеснул в лицо ей
Говорливый ручей влюбленный

И красавицу камышами
Обнял нежно и многоруко,
Белой пеной одел, как шалью,
Быстрой песнею убаюкал.

От корней до вершин — и выше —
Раздирается тьмы завеса.
Стисни сердце, чтоб билось тише,
И послушай сказанье леса.

Ухнул камень в лесную ночь.
В тишь дремучую вторгся глухо.
Пробужденная камнем ночь
Утра ход уловила ухом.

Пал тот камень из жарких рук,
В глубь дремучих ветвей врезаясь,
Развернулся в гудящий круг,
Затрещал в камышах, как аист.

Шли крестьяне за сухостоем
Сонной чащей, утром мгlistым.
Оглашали жилые лесное
Невеселым мужицким свистом.

Шли травой сырою, глиной,
Не гуторя да не толкуя,
Шли по сучья да по малину,
Шли то кучей, то врассыпную.

Вдруг — вся глушь загудела гудом!
Да никто, кроме белки быстрой,
Увидать не успел — откуда
Камень грянул, откуда — выстрел.

Снегирей и щеглов не спросят,
Кто и кем здесь уложен насмерть.
Долго выстрел стихал вдоль просек,

Долго дыма качалась проседь,
Долго реял над местом ястреб.

Ветер дым разнесет по рощам,
Ели в думу уйдут по-вдовьи.
Лес наместничий новой мощи
Наберется, напившись крови.

Только гончая на закате,
Чутким носом копнувши хвою,
Морду вскинет, белки закатит
И зальется протяжным воем.

Да ребенок, глядящий дико,
Жарким полднем сбежав в канаву
За черникой и земляникой,
Подивится на след кровавый.

Таковы-то бои в лабиринте барсучьем,
В дикой чаще лесной, полной клычев и сучьев.

Меньше струек в ручье, меньше хворосту в ямах,
Чем рубцов на хребте и на темени шрамов.

Столько в пении ландыша скрытого скрипа —
Сколько белых цветов под отцветшею липой.

И не так многочисленна погань грибная,
Как железные цепи на страждущем крае.

А чем больше мужицких загубленных жизнью —
Тем щедрее калина кораллами брызнет.

А чем больше под елями крови мужицкой —
Тем сочнее трава и жирнее земляца.

А чем больше камней унесется потоком —
Тем мудрее дубы на откосе высококом.

АДАМ ВАЖИК

(род. в 1905 г.)

РАДОСТЬ СОВЕТСКАЯ

Мало радостных слов нам оставило прошлое
наше

Отдадимте ж уста
настоящего радостным гудам
Жаждет радость советская звуков как полная
чаша

Да пробьется на свет красота
что в забытых народах веками лежала под спудом

Извлекайте ж народы
ваших пашен слова трудовые
ваших песен слова хоровые
молодые слова
оды
развернувшейся долгим о!
Песни юношей в море
Да участвует в хоре
бодрой юности торжество

Есть прекрасные звуки
Сколько зим они втайне

простояли в гортани
жен под черной чадрой

В море сброшены чадры
и не высохли руки!
Лижет львом прирученным
вольным вольные руки
вал впервые зеленый
пенной белой впервой
Но тех звуков прекрасней
звук дыхания: ах!
в час как счастья избыток
проступает в слезах.

Из болгарской поэзии

ЕЛИСАВЕТА БАГРЯНА

(род. в 1893 г.)

ПРАВНУЧКА

Нет ни прародительских портретов,
Ни фамильных книг в моем роду.
Я не знаю песен, ими петьх,
И не их дорогами иду.

Но стучит в моих висках — лихая,
Темная, повстанческая кровь.
То она меня толкает к краю
Пропасти, которая — любовь.

Юная прабабка жаркой масти,
В шелковом тюрбане ниже глаз,
С чужеземцем, тающим от страсти,
Не бежала ли в полночный час?

Молнию-коня, чернее врана,
Помнят придунайские сады!
И обоих спас от ятагана
Ветер, заметающий следы...

Потому, быть может, и люблю я
Над полями лебединый клич,
Голубую даль береговую,
Конский бег под хлопающий бич...

Пропаду ли, н е т , — сама не знаю!
Только знаю, что и мертвой я
Восхваляю тебя, моя родная,
Древняя болгарская земля!

НИКОЛА ЛАНКОВ

(1902—1965)

ИСПОВЕДЬ

На этой земле я невольный жилец,
Зато самовольно ее не оставлю!
Единственный долг мой — прожить как боец
И мир целовать огневыми устами.

Как жизнь ни черна — не страшусь ее туч,
Тоска тяжела — отрясу ее бремя.
Кипит в моем сердце серебряный ключ,
Надежда на лучшее близкое время.

Одно лишь сокровище есть у меня:
То — сердце, которое все возлюбило!
Чтоб вольною стала родная земля,
Его я с размаху бросаю в горнило.

Я жить не просился, я вынужден жить,
Зато самовольно земли не оставлю!
Единственный долг человека — творить
И мир целовать огневыми устами.

ЛЮДМИЛ СТОЯНОВ

(род. в 1888 г.)

ГУСЛЯРСКАЯ

Едва лишь сел я вином упиться,
Вином упиться — друзьям на здравье,
Друзьям на здравье, врагам на гибель —
Над ровным полем взвились птицы,
Что было грезой — то стало явью,
От страшной яви — волосья дыбом.

Глашатай кличет по Будим-Граду,
По Будим-Граду, Демир-Капии,
По всем-то стогнам, путям и селам,
Его я слышу, и горше яда
Вино, и думы, что тучи злые,
Застлали мраком мой пир веселый.

Соленой влагой полны колодцы.
Рыдают нивы, рыдают хаты,
Всему народу — лихая туча!
— С торгов Афон-гора продается!
Мчат богатеи в Солунь треклятый,
Не повторится счастливый случай!

Гора, где каждый-то камень — подвиг!
Здоровье хворых, свобода пленных,
Защита сирых, опора слабых!
На райских пастбищах овцы бродят,
В святых обителях белостенных
Монахи черные бога славят.

Меня в колыске качало Худо,
Качало Худо у мерзлой печки,
За мною Худо ходило тенью.
Как не скучать мне в ночи без свечки,
Коль ничего мне и ниоткуда,
Ни в будний день мне, ни в воскресенье!

Каб богатеем глядел на солнце,
Все откупил бы долины-горы,
Златые нивы, златые руды...
Эх, потекли бы мои червонцы
На радость здоровым, на здравье хворым,
На сласть и радость простому люду...

Из чехословацкой поэзии

ОНДРА ЛЫСОГОРСКИЙ

(род. в 1905 г.)

MAME

О ты, которой не хватало суток!
Ты в первый раз сегодня заспалась!
Чтоб накормить девятерых малюток,
Одеть раздетых и обуть разутых, —
Ты до рассвета начинала утро,
А ночью шила, не смыкая глаз.

Усердная, ты говорила мало,
Ты только пела, бедный соловей!
Под песни ты растила сыновей.
А Лысая Гора, как страж, стояла, —
И песни те, которых нет грустней,
Как разыгрались в крови моей!

Лежишь в гробу. Я продолжаю петь...
Спи, труженица! Отдохни, певица!
Ты — оттрудилась. Мой черед потеть...
В полях, в горах, на синей Островице.
Ты — оттерпела, мой черед — терпеть,
Устами сына продолжаешь петь.

БАЛЛАДА О КРИВОЙ ХАТЕ

Под ивой хата приткнулась криво.
В той хате бабка варила пиво.

Входили парни в лохматых шапках,
Хвалили пиво, хвалили бабку.

Но деньги сплыли, и парни сплыли.
Одна Калорка среди бутылей.

Согнулась бабка прениже ивы:
Куда как страшен налог на пиво!

Пять долгах дней не пила, не ела —
Все на налоговый лист глядела!

Прошел день пятый, настал день платы:
Осталась бабке пустая хата.

— Пивные втулки — и те прихватим! —
Осталась бабка одна с распятем.

У бабки дыбом встают волосья!
Глаза — что угли — у переносья!

Срывает бабка из сил последних
С гвоздя распястье, с себя — передник

Рвет на полоски передник старый,
Из тех лоскутьев — веревка стала!

И на гвозде — какова обновка?
Где раньше крест воззирал, — веревка.

Крестьяне едут с суда, чуть живы.
Залить обиду решили пивом.

— Простите, други, за сказ мой грубый, —
Висит Калорка и скалит зубы.

ПЕСНЯ О РАБОТНИЦЕ

За винтиком винтик, шуруп за шурупом, —
Мы в пекле, мы в саже — и так до кончины!
Мы света не видим, мы только — машины.
Спешат наши пальцы. Шуруп за шурупом.
От адского грохота — смолоду глохнем!
За винтиком винтик, шуруп за шурупом...
А в этот же час, на земле этой самой
Небесную музыку слушают дамы
В шелках и напитки небесные тянут
Из рюмок... Ответную музыку даме:
— За винтиком винтик, шуруп за шурупом, —
Скрываем за стиснутыми зубами.
А есть же на свете поля золотые!
— За винтиком винтик, шуруп за шурупом, —
Янтарный ячмень, золотая пшеница...
А люди, как псы, подышают в столицах!
Мы, женщины, слышим родящую землю!
Мы, женщины, помним о собственном лоне!
Сегодня — колесико, винт меж винтами,
А завтра мы песню споем — кулаками!
К нам с Волги приходят великие вести.
Мы видим: смеющееся поколение,
С детьми на руках и с детьми на коленях...
Работает время. Шуруп за шурупом.

НА СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

О, волны золота живого!
Краса, которой нету слова,
Живого золота равнина, —
Подсолнечники Украины!

О, край, в котором счастье — дома!
О, красные по чернозему
Платки! О, красною малиной
Повязанная Украина!

Нигде не зрел я в мире этом,
Чтоб цвет был — плод, а плод был — цветом!
Подсолнечники на равнине;
Красавицы на Украине!

СОН ВАГОНОВ

I

Были вагоны, стали — могилы...
Крытые снегом, битые вьюгой.
Встали — вагоны. Цугом уклоны
В ряд друг за другом, в ряд друг за другом.

Нет о нас вести в братственных странах.
Ржавчина кровью кроет колеса...
Пусты и немые угольных кранов
Пасти и глотки... Зов безголосый.

Белые — трубы, белые — груды
Шлака: одел их саваном иней.
Где-то гудки гудят смерти гудом:
Хлеба спросонья просят равнины.

II

В ряд — по край глаза! В ряд — по край
света!

Были вагоны, — стали гробницы...
Вдруг (не забудьте: снится нам это!)
Настежь — просторы! Пали границы!

Наши составы движутся ходко,
Наши составы движутся шибко.
И затевают пасти и глотки
Жаркую топку, черную ссыпку.

Толпы в заводы рвутся с разгону!
— Победоносно! — Многоголосо! —
Уж не гробы мы — снова вагоны!
И торжествуют наши колеса.

III

Нет! не гробы мы! Требуем пара!
Требуем ходу! требуем гуду!
Ждут не дождутся нашего дара
Целые толпы бедного люда!

Уголь, что парень жилистый вырыл,
Станет он жаром, станет он блеском!
Каждому краю, целому миру
Свет поставляет — край наш силезский!

Пало господство! Кончено рабство!
С тысячеруким братским приветом —
Уголь везем мы, чтобы по-братски
Всех обеспечить счастьем и светом!

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ И БАЛЛАДЫ

Каждую народную песню, будь то русская, немецкая, французская и пр. , — я неизменно чувствую *своей*.

Марина Цветаева

НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

1

Что ты любовь моя —
Пора бы знать.
Приди в полночный час,
Скажи, как звать.

Приди в полночный час,
В полночный бой.
Спит матушка с отцом,
Мне спать — с тобой.

Рукою стукни в дверь!
На этот стук
Спросонья скажет мать:
— Еловый сук!

И в горенку скорей!
Скорей в постель!
Тебя теснее обовью,
Чем плющ и хмель.

Что ты любовь моя —
Пора бы знать.
Приди в полночный час,
Скажи, как звать.

2

— Как распознаю я твой дом,
Скажи, разумница моя!
— Ходи по улочкам кругом,
Так и узнаешь, где мой дом.
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

— Как мимо пса я проскользну,
Скажи, разумница моя!
— Псу ласковое слово брось,
И снова примется за кость.
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

— Как я по лесенке взберусь,
Скажи, разумница моя!
— Сапожки на руки надень, —
Не скрипнет ни одна ступень.
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

— Как двёрочку твою найду,
Скажи, разумница моя!
— Нащупай на двери кольцо...
Подумают, что деревцо
Стучит... Молчок!
Попридержи-ка язычок!

— Как в горенку твою взойду,
Скажи, разумница моя!
— Рукою стеночку обшарь,
И будешь ты с ключом — ключарь.
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

— Как попаду к тебе в кровать,
Скажи, разумница моя!
— Там ларь высокий под окном,
Я в том ларе сплю чутким сном...
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

— А что мне делать поутру,
Скажи, разумница моя!
— Надень — что снял, забудь — что знал...
Свет всюду бел, а мир — не мал!
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

3

Орешина

Гуляла девушка в лесу,
По кустикам плясала.
Зеленая ей на пути
Орешина предстала.

— Орешина! Сударыня!
С чего так зелена ты?

— Ах, девушка-красавица,
С чего так хороша ты?

— Коли и вправду хороша —
Ответ мой будет краток:
Ем белый хлеб и пью вино —
С того и хороша так.

— Что белый хлеб твоей красе —
С него и хороша т а к , —
То для моей листвы — роса:
С нее и зелена так.

Ешь белый хлеб и пьешь вино?
И спишь ты, видно, сладко!
Где твой девический венок?
У милого в кровати!

— Орешина! Сударыня!
Твой сказ тебя загубит!
Три рослых брата у меня,
Они тебя порубят.

— Сруби орешину зимой —
Весной опять ростки даст.
Утратит девушка венок —
До гробовой доски уж!

4

Мне белый день чернее н о ч и , —
Ушла любимая с другим!
Мне думалось, что я — любим!

Увы, увы, увы, увы!
Не я любим — ушла с другим!

Что толку мне в саду прекрасном,
Что мне жасмин и розмарин,
Раз их срываю не один —
Цветы — которым, цветы — которым
Лишь я — законный господин!

Что толку мне в устах румяных,
— Будь то коралл, будь то рубин, —
Раз их целую не один —
Уста — которым, уста — которым
Лишь я — законный господин!

Придут клубучники-монахи,
Заплачет колокол: динь-динь!
Поволокут меня с перин
С прощальным хором — в тот сад,
в котором
Лишь червь — законный господин!

5

Жениховы частушки

Пляшут зайцы на лужайке,
Пляшут мошки на лозе.
Хочешь разума в хозяйство —
Не женись на егозе!

Вся-то в лентах, вся-то в блестках,
Всему свету госпожа!
Мне крестьяночку подайте,
Что как булочка свежа!

Мама, во мгновение ока
Сшей мне с напуском штаны!
Чтобы, как у герра Шмидта,
Были икры в них стройны!

Как на всех зубами лязгал—
Не приласкан был ни разу.
Прекратил собачий лязг —
Нет отбою мне от ласк!

Рвал им косы, рвал им юбки —
Все девчонки дули губки.
Обуздал свой норов-груб —
Нет отбою мне от губ!

Хочешь в старости почета —
Раньше старших не садись!
Хочешь красного потомства —
С красной девицей сходишь!

За свекровьиной кроватью
— Точно ближе не могли! —
Преогромный куль с рублями —
Сплю и вижу те рубли.

А за тестевой конторкой —
До чего сердца грубы —
Преогромная дубина.
Для чего в лесах — дубы?!

6

Доныне о бедных детях

Доныне о бедных детях
Есть толк у подводных трав.
Друг к другу рвались напрасно:
Их рознил морской рукав.

— Мил-друзе! Плыви — отважся!
Мил-друзе! Седлай волну!
Тебе засвечу три свечки —
Вовек не пойдешь ко дну.

Подслушала их монашка,
Раздула щеку-бледну,
Задула монашка свечки,
Мил-друзе пошел ко дну.

А день наступал — воскресный,
Всем людям хотелось петь,
Одна только королевна
На свет не могла глядеть.

— О, м а т и , — молвила, — мати!
Никак не раскрою век.
Пусти меня прогуляться
На взморье, на желтый брег!

— А х , д о ч к а , — молвила, — дочка!
Неладно гулять одной.
Поди разбуди меньшую
Сестрицу — пойдет с тобой.

— Моя меньшая сестрица —
Резвушка, дитя-мало:
На каждый цветочек льстится —
А сколько их расцвело!

— О, м а т и , — молвила, — матери!
В очах — все вещи слились...
Пусти меня прогуляться
На взморье, на желтый мыс!

— Ах, дочка, — молвила, — дочка!
Неладно гулять одной.
Поди, разбуди-ка братца
Меньшого — пойдет с тобой

— Ах, матери, меньшей мой братец
До спутника не дорос:
Он в каждую чайку целит, —
А сколько их развелось!

— О, м а т и , — молвила, — матери!
Мне сердце — мука сожгла!
Пусть люди идут к обедне,
Пойду — где пена бела.

Отправилась мать к обедне,
А дочь — где пена бела.
Гуляла она, гуляла —
На рыбаля набрела.

— Ах, рыбаля, любезный рыбаля!
Глянь — с перстнем моя рука!
Закинь свои сети в море
И вылови мне дружка!

Забросил он сети в море,
Забрасывал их стократ,
Сто раз опускал, в сто первый
Несут его сети — клад.

Сняла королева с пальца
Кольцо драгоценных руд.
— Возьми его, милый рыбарь!
Спасибо тебе за труд.

Сняла королева, плача,
С макушки венец зубчат.
— Возьми его, милый рыбарь!
Спасибо тебе за клад.

Как водоросль морская,
Любимого обвила...
— Забудьте, отец и мати,
Что дочка у вас была!

БРЕТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

I

Милую целую, я сорвал цветок.
Милая — красотка, рот — вишневый сок.
Милую целую, я сорвал цветок.

Грудь — волне досада, стан — стволу упрек.
Милую целую, я сорвал цветок.

С ямкой — подбородок, с ямкой — локоток.
Милую целую, я сорвал цветок.

Ножка — так с ладошку, а подъем — высок.
Милую целую, я сорвал цветок.

Млеют городские, думают: дай срок...
Милую целую, я сорвал цветок.

Но, могу поклясться, — их обман жесток.
Милую целую, я сорвал цветок.

II

Вскочила утречком с зарей,
Пошла в зеленый садик свой,

Пошла в зеленый садик свой
За розмариновой листвою,

За розмариновой листвою.
Чуть сорвала листок-другой,

Чуть сорвала листок-другой —
Глянь — соловей летит лесной!

Глянь — соловей летит лесной,
Мне говорит на лад на свой,

Мне говорит на лад на свой:
— Девушка, береги покой!

Девушка, береги покой!
Цена мальчишкам — свищ пустой,

Цена мальчишкам — свищ пустой,
Цена мужчинам — меньше той!

III

Всего леса вдоль...

Всего леса вдоль
Я ласкал Жанетту,
Целовал Жанетту
Всего леса вдоль.

Был бы дольше лес,
Я б свою Жанетту,
Я б свою Жанетту —
Дольше целовал.

Вел бы дальше лес,
Я б свою Жанетту,
Я б свою Жанетту —
Дальше целовал.

Всего края б вдоль
Целовал Жанетту,
Целовал Жанетту —
Всего б рая вдоль!

IV

Хороводная

— Барышня, прекрасней нету,
Цвет сирени с розы цветом,
Вам по нраву ли сосед?
Розы цвет, сирени цвет.

— Барышня, пляшите с нами!
Барышня, решайте сами:
С кем пропляшете весь век?
Цвет сирени, розы цвет.

V

Торопливая невеста

— Мама, долго ль?
Мама, скоро ль?
Мама, время
Замуж — мне!

— Голубка, в доме — ни гроша!
— Зато пшеница хороша:
Ее продавай,
Меня выдавай!
Мама, долго ль?
Мама, скоро ль?
Мама, время
Замуж — мне!

— Голубушка, где ж платье взять?
— Из льна-то — платья не соткать?
Тки, шей, расшивай,
Меня — выдавай!
Мама, душно!
Мама, скушно!
Мама, время
Замуж — мне!

— Где жить-то будешь с муженьком?
— Есть каменщики — будет дом!
Домок воздвигай,
Меня — выдавай!
Мама, тесно,
Мама, тошно,

Мама, время
Замуж — мне!

— Голубка, нет у нас вина!
— Чай, в винограде вся стена!
Скорей отжимай,
Меня выдавай!
Мама, тошно,
Мама, томно,
Мама, время
Замуж — мне!

— Нет, дочка, милого у нас!
— Есть толстый Жак: он в самый раз!
Лови — не зевай,
Скорей выдавай!
Мама, завтра ж!
Мама, нынче ж!
Мама, время
Замуж — мне!

Английские народные баллады

РОБИН ГУД СПАСАЕТ ТРЕХ СТРЕЛКОВ

Двенадцать месяцев в году,
Не веришь — посчитай.
Но всех двенадцати милей
Веселый месяц май.

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингэм, —
Весел люд, весел гусь, весел пес...
Стоит старуха на пути,
Вся сморщилась от слез.

— Что нового, старуха? — Сэр,
Злы новости у нас!
Сегодня трем младым стрелкам
Объявлен смертный час.

— Как видно, резали святых
Отцов и церкви жгли?
Прельщали дев? Иль с пьяных глаз
С чужой женой легли?

— Не резали они отцов
Святых, не жгли церквей,
Не крали девушек, и спать
Шел каждый со своей.

— За что, за что же злой шериф
Их на смерть осудил?

— С оленем встретились в лесу...
Лес королевским был.

— Однажды я в твоём дому
Поел, как сам король.
Не плачь, старуха! Дорога
Мне старая хлеб-соль.

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингэм, —
Зелен клен, зелен дуб, зелен вяз...
Глядит: в мешках и в узелках
Паломник седовлас.

— Какие новости, старик?

— О сэре, грустнее нет:
Сегодня трех молодых стрелков
Казнят во цвете лет.

— Старик, сымай-ка свой наряд,
А сам пойдешь в моем.
Вот сорок шиллингов в ладонь
Чеканным серебром.

— Ваш — мая месяца новей,
Сему же много зим...
О сэре! Нигде и никогда
Не смейтесь над седым!

— Коли не хочешь серебром,
Я золотом готов.
Вот золота тебе кошель,
Чтоб выпить за стрелков!

Надел он шляпу старика, —
Чуть-чуть пониже крыш.
— Хоть ты и выше головы,
А первая слетишь!

И стариков он плащ надел, —
Хвосты да лоскуты.
Видать, его владелец гнал
Советы суеты!

Влез в стариковы он штаны.
— Ну, дед, шутить здоров!
Клянусь душой, что не штаны
На мне, а тень штанов!

Влез в стариковы он чулки.
— Признайся, пилигрим,
Что деды-прадеды твои
В них шли в Иерусалим!

Два башмака надел: один —
Чуть жив, другой — дыряв.
— «Одежда делает господ».
Готов. Неплох я — граф!

Марш, Робин Гуд! Марш в Ноттингэм!
Робин, гип! Робин, гэг! Робин, гоп! —
Вдоль городской стены шериф
Прогуливает зоб.

— О, снизойдите, добрый сэр,
До просьбы уст моих!
Что мне дадите, добрый сэр,
Коль вздерну всех троих?

— Во-первых, три обновки дам
С удалого плеча,
Еще — тринадцать пенсов дам
И званье палача.

Робин, шерифа обежав,
Скок! и на камень — прыг!
— Записывайся в палачи!
Прешустрый ты старик!

— Я век свой не был палачом;
Мечта моих ночей:
Сто виселиц в моем саду —
И все для палачей!

Четыре у меня мешка:
В том солод, в том зерно
Ношу, в том — мясо, в том — муку, —
И все пусты равно.

Но есть еще один мешок:
Гляди — горой раздут!
В нем рог лежит, и этот рог
Вручил мне Робин Гуд.

— Труби, труби, Робинов друг,
Труби в Робинов рог!
Да так, чтоб очи вон из ям,
Чтоб скулы вон из щек!

Был рога первый зов, как гром!
И — молнией к нему —
Сто Робингудовых людей
Предстало на холму.

Был следующий зов — то рать
Сзывает Робин Гуд.
Со всех сторон, во весь опор
Мчит Робингудов люд.

— Но кто же вы? — спросил шериф,
Чуть ж и в . — Отколь взялись?
— Они — мои, а я Робин,
А ты, шериф, молись!

На виселице злой шериф
Висит. Пенька крепка.
Под виселицей, на лужку,
Танцуют три стрелка.

РОБИН ГУД И МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН

Рассказать вам, друзья, как смельчак Робин Гуд, —
Бич епископов и богачей, —
С неким Маленьким Джоном в дремучем лесу
Поздоровался через ручей?

Хоть и маленьким звался тот Джон у людей,
Был он телом — что добрый медведь!
Не обнять в ширину, не достать в высоту, —
Было в парне на что поглядеть!

Как с малюточкой этим спознался Робин,
Расскажу вам, друзья, безо лжи.
Только уши развесь: вот и труд тебе весь! —
Лучше знаешь — так сам расскажи.

Говорит Робин Гуд своим добрым стрелкам:
— Даром молодость с вами гублю!
Много в чаще деревьев, по лошадкам — чудес,
А настанет беда — протрублю.

Я четырнадцать дней не спускал тетивы,
Мне лежачее дело не впрок.
Коли тихо в лесу — побеждает Робин,
А услышите рог — будьте в срок.

Всем им руку пожал и пошел себе прочь,
Веселя на каждом шагу.
Видит: бурный поток, через воду — мосток,
Незнакомец — на том берегу.

— Дай дорогу, медведь! — Сам дорогу мне дашь! —
Тесен мост, тесен лес для двоих.
— Коль осталась невеста, медведь, у тебя, —
Знай — пропал у невесты жених!

Из колчана стрелу достает Робин Гуд:
— Что сказать завещаешь родным?
— Только тронь тетиву, — незнакомец му, —
Вмиг знакомство сведешь с Водяным!

— Говоришь, как болван, — незнакомцу Робин, —
Говоришь, как безмозглый кабан!
Ты еще и руки не успеешь занести,
Как к чертям отошлю тебя в клан!

— Угрожаешь, как трус, — незнакомец ответ, —
У которого стрелы и лук.
У меня ж ничего, кроме палки в руках,
Ничего, кроме палки и рук!

— Мне и лука не надо — тебя одолеть,
И дубинкой простой обойдусь.
Но, оружием сравнившись с тобой, посмотрю,
Как со мною сравнишься, трус!

Побежал Робин Гуд в чащи самую глушь,
Обтесал себе сабельку в рост
И обратно помчал, издали крича:
— Ну-ка, твой или мой будет мост?

Так, с моста не сходя, естества не щадя,
Будем драться, хотя б до утра.

Кто упал — проиграл, уцелел — одолел, —
Такова в Ноттингеме игра.

— Разобью тебя в прах! — незнакомец в сердцах, —
Посмеются тебе — зайцы рош!
Посередке моста сшиблись два молодца,
Зачастили дубинки, как дождь.

Словно грома удар был Робина удар:
Так ударил, что дуб задрожал!
Незнакомец, кичась: — Мне не нужен твой дар, —
Отродясь никому не должал!

Словно лома удар был чужого удар, —
Так ударил, что дол загудел!
Рассмеялся Робин: — Хочешь два за один?
Я всю жизнь раздавал, что имел!

Разошелся чужой — так и брызнула кровь!
Расщедрился Робин — дал вдвойне!
Стал гордец гордеца, молодец молодца
Молотить — что овес на гумне!

Был Робина удар — с липы лист облетел!
Был чужого удар — звякнул клад!
По густым теменам, по пустым головам
Застучали дубинки, как град.

Ходит мост под игрой, ходит тес под ногой,
Даже рыбки пошли наутек!
Изловчился чужой и ударом одним
Сбил Робина в бегущий поток.

Через мост наклонясь:— Где ты, храбрый боец?
Не струсилась ли с тобою беда?
— Я в холодной воде,— отвечает Робин, —
И плыву — сам не знаю куда!

Но одно-то я знаю: ты сух, как орех,
Я ж, к прискорбью, мокрее бобра.
Кто вверху — одолел, кто внизу — проиграл, —
Вот и кончилась наша игра.

Полувброд, полувплавь, полумертв, полужив,
Вылез — мокрый, бедняжка, насквозь!
Рог к губам приложил — так, ей-ей, не трубил
По шотландским лесам даже лось!

Эхо звук понесло вдоль зеленых дубрав,
Разнесло по Шотландии всей,
И явился на зов — лес стрелков-молодцов,
В одеяньи — травы зеленой.

— Что здесь делается? — молвил Статли Вильям. —
Почему на тебе чешуя?
— Потому чешуя, что сей добрый отец
Сочетал меня с Девой Ручья.

— Человек этот мертв! — грозно крикнула мать,
Скопом двинувшись на одного.
— Человек этот — мой! — грозно крикнул Робин, —
И мизинцем не троньте его!

Познакомься, земляк! Эти парни — стрелки
Робингудовой братьи лесной.
Было счетом их семьдесят без одного,
Ровно семьдесят будет с тобой.

У тебя ж будет: плащ цвета вешней травы,
Самострел, попадающий в цель,
Будет гусь в небесах и олень во лесах.
К Робин Гуду согласен в артель?

— Видит бог, я готов! — удалец, просияв. —
Кто ж дубинку не сменит на лук?
Джоном Маленьким люди прознали меня,
Но я знаю, где север, где юг.

— Джоном Маленьким — эдакого молодца?!
Перезвать! — молвил Статли Вильям. —
Робингудова рать — вот и крестная мать,
Ну, а крестным отцом — буду сам.

Притащили стрелки двух жирнух-оленух,
Пива выкатили — не испить!
Стали крепким пивцом под зеленым кустом
Джона в новую веру крестить.

Было семь только футов в малютке длины,
А зубов — полный рот только лишь!
Кабы водки не пил да бородки не брил —
Был бы самый обычный малыш!

До сих пор говорок у дубов, у рябин,
Не забыла лесная тропа,
Пень — и тот не забыл, как сам храбрый Робин
Над младенцем читал за попа.

Ту молитву за ним, ноттингэмцы за ним,
Повторили за ним во весь глот.
Восприемный отец, статный Статли Вильям
Окрестил его тут эдак вот:

— Джоном Маленьким был ты до этого дня,
Нынче старому Джону — помин,
Ибо о этого дня вплоть до смертного дня
Стал ты Маленьким Джоном. Аминь.

Громогласным ура — раздалась бы гора! —
Был крестильный обряд завершен.
Стали пить-наливать, крошке росту желать:
— Постарайся, наш Маленький Джон!

Взял усердный Робин малыша-крепыша,
Вмиг раскутал и тут же одел
В изумрудный вельвет — так и лорд по одет! —
И вручил ему лук-самострел:

— Будешь метким стрелком, молодцом, как я сам,
Будешь службу зеленую несть,
Будешь жить, как в раю, пока в нашем краю
Кабаны и епископы есть.

Хоть ни фута у нас — всей шотландской земли,
Ни кирпичика — кроме тюрьмы,
Мы как сквайры едим и как лорды глядим.
Кто владельцы Шотландии? — Мы!

Поплясав напослед, солнцу красному вслед
Побрели вдоль ручьевых раят
К тем пещерным жильям, за Робинот — Вильям...
Спят... И Маленький Джон с ними спит.

Так под именем сим по трущобам лесным
Жил и жил, и состарился он.
И как стал умирать, вся небесная рать
Позвала его: — Маленький Джон!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Идя по следу поэта, заново прокладывать
всю дорогу, которую прокладывал он.

Марина Цветаева

Марина Цветаева

Поэт (подлинник) к двум *данным* (ему господом богом строкам) ищет — находит — две заданные. Ищет их в арсенале *возможного*, направляемый роковой необходимостью рифм — тех, господом данных, являющихся — императивом.

Переводчик к двум *данным* (ему поэтом) основным: поэтовым богоданным строкам — ищет — находит — две заданные, ищет в арсенале *возможного*, направляемый роковой необходимостью рифмы — к тем, первым, господом (поэтом) данных, являющихся — императивом.

Рифмы — к тем же вещам — на разных языках — разные.

Уточнение: Рифма всюду может быть заменена *физикой* (стиха). Так, например, я строку, кончающуюся *amouг* и рифмующую с *toujours*, не непременно — переведу: любовь — и кровь, но работу я найду с лучших основных строк двестишля и, дав их адекватно, то есть абсолютно — к моей, русской, их транскрипции, буду искать — уже в моем, русском, арсенале, пытаюсь дать — второй (посильный) абсолют.

Из записной книжки

Марина Цветаева

ДВА „ЛЕСНЫХ ЦАРЯ“

Дословный перевод «Лесного Царя» Гёте.

Кто так поздно скачет сквозь ветер и ночь? Это отец с ребенком. Он крепко прижал к себе мальчика, ребенку у отца покойно, ребенку у отца тепло. — Мой сын, что ты так робко прячешь лицо? — Отец, ты не видишь Лесного Царя? Лесного Царя в короне и с хвостом? — Мой сын, это полоса тумана! — Милое дитя, иди ко мне, иди со мной! Я буду играть с тобой в чудные игры. На побережье моем — много пестрых цветов, у моей матери — много золотых одежд! — Отец, отец, неужели ты не слышишь, что Лесной Царь мне шепотом обещает? — Успокойся, мой сын, но бойся, мой сын, в сухой листве — ветер шуршит. — Хочешь, нежный мальчик, идти со мной? Мои дочери чудно тебя будут нянчить, мои дочери ведут ночной хоро-в о д, — убаюкают, *у пляшут, упоют* те б я. — Отец, отец, неужели ты не видишь — там, в этой мрачной тьме, Лесного Царя дочерей? — Мой сын, мой сын, я в точности вижу: то старые ивы так серо светятся... — Я люблю тебя, меня уязвляет твоя красота! Не хочешь охотой — силой возь-му! — Отец, отец, вот он меня схватил! Лесной Царь мне сделал больно! — Отцу жутко, он быстро скачет, он держит

в объятьях стонущее дитя, доскакал до двора с трудом, через силу — ребенок в его руках был мертв.

Знаю, что неблагодарная задача после гениального и вольного поэтического перевода давать дословный прозаический подневольный, но это мне для моей нынешней задачи необходимо.

Остановимся сначала на непереводаемых словах, следовательно — непередаваемых понятиях. Их целый ряд. Начнем с первого: хвост. Хвост, по-немецки, и Schwanz и Schweif; например — у собаки Schwanz и Schweif — у льва, у дьявола, у кометы — и у Лесного Царя. Поэтому моим «хвостатым» и «с хвостом» хвост Лесного Царя принижен, унижен. Второе слово — fein, переведенное у меня «нежный», и плохо переведенное, ибо оно, прежде всего, означает высокое качество: избранность, неподдельность, изящество, благородство, благородность вещи или человека. Здесь оно и «благородный», и «знатный», и «нежный», и «редкостный». Третье слово — глагол reizt, reizen — в первичном смысле — раздражать, возбуждать, вызывать на, доводить до (неизменно дурного: гнева, беды и т. д.). И только во вторичном — очаровывать. Слово, здесь ни полностью, ни в первичном смысле не переводимое. Ближе остальных по корню будет: Я раздражен (раздражен) твоей красотой, по смыслу: уязвлен. Четвертое в этой же строке Gestalt — фигура, телосложение, внешний вид, форма. Обличие, распространенное на всего человека. То, как человек внешне явлен. Пятое — scheinen, по-немецки: и казаться, и светиться, и мерцать, и мерещиться. Шестое непереводаемое — Leids. «Мне сделал больно» меньше, чем «Leids getan», одинаково и одновременно означающее и боль, и вред, и порчу, в данном гётевском случае непоправимую порчу — смерть.

Перечислив все, чего не мог или только с большим, а может быть, и неоправданным трудом мог бы передать Жуковский, обратимся к тому, что он самовольно (поскольку это слово в стихах применимо) заменил. Уже с первой строфы мы видим то, чего у Гёте не видим: ездок дан стариком, ребенок издрогшим, до первого видения Лесного Царя — уже издрогшим, что сразу наводит нас на мысль, что сам Лесной Царь бред, чего нет у Гёте, у которого ребенок дрожит от достоверности Лесного Царя. (Увидел оттого, что дрожит, — задрожал оттого, что увидел.) Так же изменен и жест отца, у Гёте ребенка держащего крепко и в тепле, у Жуковского согревающего его в ответ на дрожь. Поэтому пропадает и удивление отца: «Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?» — удивление, оправданное и усиленное у Гёте прекрасным самочувствием ребенка *до* видения. Вторая строфа видоизменена в каждой строке. Первое видение Лесного Царя, из уст ребенка, описательно: «Родимый! Лесной Царь в глаза мне сверкнул!» — тогда как у Гёте («Разве ты не видишь Лесного Царя?») — императивно, гипнотично, — ребенок не может себе представить, чтобы этого можно было не видеть, внушает Царя отцу. Вся разница между: «Вижу» и «Неужто ты не видишь?» Обратимся к самому видению. У Жуковского мы видим старика, величественного, «в темной короне, с густой бородой», вроде *омраченного* Царя-Саула очами пастуха Давида. Нам от него, как от всякой царственности, вопреки всему все-таки спокойно. У Гёте — неопределенное — неопределимое! — неизвестно какого возраста, без возраста, существо, сплошь из львиного хвоста и короны, — *демона*, хвостогости которого вплотную соответствует («полоса» (лоскут, отрезок, обрывок, Streif) тумана, равно как бороде Жуковского вообще-туман над вообще-водой.

Каковы же соблазны, коими прельщает Лесной Царь ребенка? Скажем сразу, что гётевский Лесной Царь детское сердце — лучше знал. Чудесные игры, в которые он будет с ребенком играть, заманчивее неопределенного «веселого много в моей стороне», равно как и золотая одежда, в которую его нарядит его, Лесного Царя, мать, — соблазнительнее холодных золотых чертогов. Еще более расходятся четвертые строфы. Перечисление ребенком соблазнов Лесного Царя (да и каких соблазнов, — «золото, перлы, радость...») Точно паша — турчанке...) несравненно менее волнует нас, чем только упоминание, указание, умолчание о них ребенком: «Отец, отец, неужели ты не слышишь, что Лесной Царь мне тихонько обещает?» И это *что*, усиленное тихостью обещания, названностью обещаемого, разгрызается в нас видениями такой силы, жути и блаженства, какие и не снились идиллическому автору «перлов и струй». Таковы же ответы у отцову безмятежный у Жуковского — «О нет, мой младенец, услышался ты, — то ветер, проснувшись, колыхнул листья». И насмерть испуганный, пугающий — Гёте: «Успокойся, дитя! Не бойся, дитя! В сухой листве — ветер шуршит». Ответ, каждым словом бьющий тревогу — сердца. Ответ, одним словом дающий нам время года, столь же важное и неизбежное здесь, как час суток, богатейшее возможностями и невозможностями — из всех его времен.

Мы подошли к самой вершине соблазна и баллады, к месту, где Лесной Царь, неистовство обуздав, находит интонации глубже, чем отцовские — материнские, проводит нас через всю скалу женского воздействия, всю гамму женской интонации: от женской вкрадчивости до материнской нежности; мы подошли к строфе, которая, помимо смысла, уже одним своим звучанием есть колыбельная. И опять-таки, насколько гётевский Лесной Царь интимнее

и подробнее Жуковского, хотя бы уж одно старинное и простонародное *warten* (нянчить, большинством русских читателей переводимое — ждать), у Жуковского совсем опущенное, замененное: «узнаешь прекрасных моих дочерей»; у Жуковского — прекрасных, у Гёте — просто дочерей, ибо его, гётевский, Лесной Царь ни о чьей прекрасности, кроме мальчиковой, сейчас не может помнить. У Жуковского прекрасные *дочери*, у Гёте — дочери прекрасно будут *нянчить*.

И снова, уже бывшее, у Жуковского — пересказ видения, у Гёте — оно само. — «Родимый, Лесной Царь созвал дочерей! Мне, вижу, кивают из темных ветвей...» (Хотя бы «видишь?») — и: «Отец, отец, неужто ты не видишь — там, в этой страшной тьме, Лесного Царя дочерей?» Интонация, в которой мы узнаем собственное нетерпение, когда мы видим, а другой — не видит. И такие разные, такие соответственные вопросам ответы: олимпийский — Жуковского: «О нет, все спокойно в ночной глубине. То ветлы седые стоят в стороне», ответ даже ивовых взмахов, то есть иллюзии видимости не дающий! И потрясенный, сердцебиенный ответ Гёте: «Мой сын, мой сын, я в точности вижу...» — ответ человека, умоляющего, заклинающего другого поверить, чтобы поверить самому, этой точностью видимых ив еще более убеждающего нас в обратном видении.

И, наконец, конец — взрыв, открытые карты, сорванная маска, угроза, ультиматум: «Я люблю тебя! Меня уязвила твоя красота! Не хочешь охотой — силой возьму!» и жуковское пассивное: «Дитя! Я пленился твоей красотой!» — точно избалованный паша рабыне, паша, сам взятый в плен, тот самый паша бирюзового и жемчужного посула. Или семидесятилетний Гёте, от созерцания римских граверов переходящий к созерцанию пятнадцатилетней девуш-

ки. Повествовательно, созерцательно, живописующе — как на живопись... И даже гениальная передача — формула — последующей строки: «Неволей иль волей, а будешь ты мой!» — слабее гётевского: «Не хочешь охотой — силой возьму!», как сама форма «будешь мною взят» меньше *берет*, — чем «возьму», ослабляет и отдаляет захват — руки Лесного Царя, уже хватающей, и от которой до детского крика «больно» меньше, чем шаг, меньше, чем скак коня. У Жуковского этого крика нет: «Родимый! Лесной Царь нас хочет догнать! Уж вот он, мне душно, мне тяжело дышать». У Гёте между криком Лесного Царя, — «силой возьму!» — и криком ребенка — «мне больно!» — ничего, кроме дважды повторенного: «отец, отец» и самого задыхания захвата, у Жуковского же — все отстояние намерения. У Жуковского Лесной Царь на загровке.

И — послесловие (ибо вещь кончается здесь), то, что мы все уже, с первой строки второй строфы уже, знали — смерть, единственное почти дословно у Жуковского совпадающее, ибо динамика вещи уже позади.

Повторяю: неблагоприятная задача сопоставлять мой придрчивый дословный ритмический внехудожественный перевод с гениальной вольной передачей Жуковского. Хорошие стихи всегда лучше прозы — даже лучшей, и преимущество Жуковского надо мной слишком очевидно. Но я не прозу со стихами сравнивала, а точный текст подлинника с точным текстом перевода: «Лесного Царя» Гёте с «Лесным Царем» Жуковского.

И вот выводы.

Вещи равновелики. Лучше перевести «Лесного Царя», чем это сделал Жуковский, — нельзя. И не должно пытаться. За столетие давности это уже не перевод, а подлинник. Это просто другой «Лесной Царь». Русский

«Лесной Царь» — из хрестоматии и страшных детских снов.

Вещи равновелики. И совершенно разны. Два «Лесных Царя».

Но не только два «Лесных Царя» — и два Лесных Царя: безвозрастный жгучий демон и величественный старик, но не только Лесных Царя — два, и отца — два: молодой ездок и, опять-таки, старик (у Жуковского два старика, у Гёте — ни одного), сохранено только единство ребенка.

Две вариации на одну тему, два видения одной вещи, два свидетельства одного видения.

Каждый вещь увидел из собственных глаз.

Гёте, из черноты своих огненных — *увидел*, и мы с ним. Наше чувство за сновиденный срок Лесного Царя: как это отец не видит?

Жуковский, из глади своих карих, добрых, разумных — не увидел, не увидели и мы с ним. Поверил в туман и ивы. Наше чувство в течение Лесного Царя: как это ребенок не видит, что это — ветлы?

У Жуковского ребенок погибает от страха.

У Гёте от Лесного Царя.

У Жуковского — просто. Ребенок испугался, отец не сумел успокоить, ребенку показалось, что его схватили (может быть, ветка хлестнула), и из-за всего этого показавшегося ребенок достоверно умер. Как тот безумец, мнивший себя стеклянным и на разубедительный толчок здравого смысла ответивший разрывом сердца и звуком: *дзинь...* (Подобие далеко заводящее.)

Один только раз, в самом конце, точно усомнившись, Жуковский предает свое благоразумие — одним только словом: «ездок *оробелый*»... но тут же, сам оробев, минует.

Лесной Царь Жуковского (сам Жуковский) бесконечно

добрее: к ребенку добрее, — ребенку у него не больно, а только душно, к отцу добрее — горестная, но все же естественная смерть, к нам добрее — ненарушенный порядок вещей. Ибо допустить хотя бы на секунду, что Лесной Царь есть, — сместить нас со всех наших мест. Так же — прискорбный, но бывалый, случай. И само видение добрее: старик с бородой, дедушка, «бирюзовы струи» («цветы бирюзовы, жемчужны струи...»). Даже удивляешься, чего ребенок испугался?

(Разве что темной короны, разве что силы любви?)
Страшная сказка на ночь. Страшная, но сказка. Страшная сказка нестрашного дедушки. После страшной сказки все-таки можно спать.

Странная сказка совсем не дедушки. После странной гётевской не-сказки жить нельзя — так, как жили (в тот лес! Домой!).

...Добрее, холоднее, величественнее, ирреальнее. Борода величественнее хвоста, дочери, узренные, и величественнее, и холоднее, и ирреальнее, чем дочери нянчащие, вся вещь Жуковского на пороге жизни и сна.

Видение Гёте целиком жизнь или целиком сон, все равно, как это называется, раз *одно страшнее другого*, и дело не в названии, а в захвате дыхания.

Что больше — искусство? Спорно.

Но есть вещи больше, чем искусство.

Страшнее, чем искусство.

Ноябрь, 1933

ПРИМЕЧАНИЯ

В этот сборник вошли все выявленные в настоящее время стихотворные переводы Марины Цветаевой с языков народов зарубежных стран.

По дошедшим до нас сведениям, первой крупной переводческой работой Цветаевой, осуществленной ею в ранней юности, была пьеса французского драматурга и поэта Эдмона Ростана «Орленок», рукопись которой не сохранилась; первый же известный нам ее перевод — проза поэта: роман «Новое упование» французской поэтессы де Ноайль (1876—1933), творчество которой юная Цветаева высоко ценила; роман этот был опубликован в петербургском журнале «Северные записки», 1916, № 9—12. В 1919 г. Цветаева (к тому времени уже автор нескольких драматических произведений в стихах) работает по заказу III студии МХТ над переводом комедии французского поэта и драматурга Альфреда де Мюссе «С любовью не шутят»; об этом свидетельствуют записи в ее тетрадях. Рукопись перевода утрачена.

В 1922 г. по просьбе И. Г. Эренбурга Цветаева переводит на французский язык для редактируемого им альманаха «Вещь» (Москва—Берлин, 1922), выходящего на

трех языках, стихотворение Владимира Маяковского «Сволочи». Это начало деятельности Цветаевой в области перевода русской поэзии на французский язык, деятельности, особенно широко развернувшейся во время четырнадцатилетнего пребывания Цветаевой во Франции — с 1925 по 1939 г. Так, с середины двадцатых годов Цветаева переводит на французский язык ряд русских народных и революционных песен («Смело, товарищи, в ногу...», «Замучен тяжелой неволей...», «Вы жертвою пали...» и др.) и с середины тридцатых годов — почти все популярные в то время песни советских авторов. Переводы эти, оставшиеся неопубликованными, делались по заказу рабочих самостоятельных коллективов и районных ячеек коммунистической молодежи Франции; некоторые из этих песен завоевали большую популярность и стали своего рода гимнами рабочих районов и окраин. Лишь небольшая часть переведенных в то время Цветаевой текстов сохранилась в ее архиве.

В 1934 г. Цветаева осуществляет перевод на французский язык собственной поэмы «Молодец» (Прага, 1925), написанной в 1924 г. по мотивам одноименной народной сказки из собрания Афанасьева. Первая часть поэмы переведена белым стихом, во второй полностью сохранены все особенности рифмовки и сложной ритмики этого произведения. Отрывки «Молодца» в переводе были опубликованы в бельгийской печати. Беловой текст рукописи и черновики хранятся в архиве Цветаевой в Москве.

Вершины своего мастерства переводчика русской поэзии на французский Цветаева достигла в переводах восемнадцати стихотворений А. С. Пушкина, в том числе «Бесов», «Заклинания», «К няне», «К морю», песни Председателя из «Пира во время чумы» и др., подготовленных ею в 1936 г. к столетию со дня гибели поэта. Большинство из них остались неопубликованными.

Вернувшись на родину в 1939 г., Цветаева занимается стихотворными переводами в основном на русский язык. В течение всего лишь полутора лет (1940 — первая половина 1941) Цветаева, помимо произведений, представленных в данном сборнике, много и плодотворно переводит с языков народов СССР (стихотворения Ивана Франко, три больших поэмы Важи Пшавелы, стихотворения белорусских поэтов). В это же время по заказу журналов «Revue de Moscou» и «Интернациональная литература» Цветаева переводит на французский три стихотворения Лермонтова, шесть стихотворений Лорки — с испанского и одно Бехера — с немецкого. Опубликованию многих переводов Цветаевой, осуществленных на родине, помешала война.

ЛИРИКА

Шарль Бодлер. Плавань. Печатается по белой рукописи 1940 года. Впервые опубликовано в сборнике: Шарль Бодлер, «Лирика», М., 1965. Перевод предназначался для журнала «Интернациональная литература».

Вильям Шекспир. Песня Стефано из второго акта драмы «Буря». Печатается впервые по белой рукописи. Перевод был сделан в 1920 г. В тетради под стихотворением — запись:

«(Данный мне текст)

Капитан, штурман, боцман и пушкарь любили Молли, Мод, Марианну и Мэг — и совершенно не интересовались Кэт, потому что она не выносила запаха дегтя и смолы. Когда к ней приезжал штурман, она кричала: «Ступай, повесься!» — Но всем известно, что портной щекотал и чесал там, где у нее чесалось.

Так выйдем же, друзья, в открытое море, а Кэт пусть повесится».

Иоганн Вольфганг Гёте. Кто с плачем хлеба не вкушал... Печатается впервые по белой рукописи; является

переводом Песни Старика из книги «Годы учения Вильгельма Мейстера» (кн. 2, гл. 13). Перевод был сделан в мае 1941 года по просьбе пианиста Генриха Нейгауза. В тетради под стихотворением — помета: «Песня Миньоны Гёте, но — для музыки (которой *не знаю*)».

Райнер Мариа Рильке. Кто нам сказал... Опубликовано в журнале «Воля России», Прага, 1929, № 2, в тексте переведенного Цветаевой письма Рильке на французском языке. Печатается по тексту публикации.

Федерико Гарсиа Лорка. Стихотворения «Гитара», «Селенья», «Пейзаж» напечатаны в книге Федерико Гарсиа Лорка, «Избранное», М., 1944; печатаются по этой же книге. Стихотворение «*Пещера*» публикуется впервые, по белой рукописи. Стихотворение «*Пустыня*» под названием «*А потом...*» опубликовано впервые в сборнике Федерико Гарсиа Лорка «*Лирика*», М., 1965. Переводы Лорки — последняя работа Цветаевой, оборвавшаяся 26 июня 1941 года.

Юлиан Пшибось. Бегство. Материк. Горизонт. Все переводы напечатаны в журнале «Дружба народов», 1941, № 8. Печатаются по тексту публикации. *Пшибось Юлиан* — польский поэт, давший образцы поэзии нового типа со сложной образной системой.

Люциан Шенвальд. Рассвет (Вступление к поэме «Сцена у ручья»). Напечатано в журнале «Дружба народов», 1941, № 8. Печатается по тексту публикации. *Шенвальд Люциан* — польский поэт; после оккупации Польши гитлеровцами жил в СССР. Поэма «Сцена у ручья» написана им в 1936 г.

Адам Важик. Радость советская. Опубликовано в журнале «Дружба народов», 1941, № 8. Печатается по белой рукописи 1940 года. *Важик Адам* — польский писатель и поэт; в 1939—1944 гг. жил в СССР.

Елисавета Багряна. Правнучка. Опубликовано в журнале «Интернациональная литература», 1940, № 7—8. Печатается по тексту публикации. *Багряна Елисавета* — болгарская поэтесса.

Никола Ланков. Исповедь. Опубликовано в журнале «Интернациональная литература», 1940, № 7—8. Печатается по тексту публикации. *Ланков Никола* — болгарский поэт.

Людмил Стоянов. Гусярская. Опубликовано в журнале «Интернациональная литература», 1940, № 7—8. Печатается по тексту публикации. *Стоянов Людмил* — болгарский поэт, прозаик, критик и публицист.

Ондра Лысогорский. Стихотворения «Маме», «Баллада о кривой хате», «Песня о работнице», «На Советской Украине» опубликованы в журнале «Интернациональная литература», 1940, № 11—12; печатаются по тексту публикации. Стихотворение «Сон вагонов» публикуется впервые, по белой рукописи 1940 года. *Лысогорский Ондра* (настоящее имя Эрвин Гой) — чехословацкий поэт, пишущий на ляшском диалекте. Во время второй мировой войны жил в СССР.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ И БАЛЛАДЫ

Немецкие народные песни. Печатаются по белой рукописи. 1, 2 и 6 песни впервые опубликованы в журнале «Дон», 1966, № 2. Переводы были сделаны Цветаевой в

сентября 1940 г. для журнала «Интернациональная литература»; опубликованию их помешала война с фашистской Германией.

Бретонские народные песни. Печатаются впервые по белой рукописи. Переводы этих народных песен Франции XVIII века Цветаева сделала в декабре 1940 года для готовившейся Гослитиздатом антологии французской поэзии.

Английские народные баллады. Оба перевода были сделаны в марте 1940 г. Печатаются по тексту сборника «Баллады и песни английского народа, Государственное издательство детской литературы, М., 1942, с исправлением опечаток по белой рукописи 1941 года. Перевод баллады «Робин Гуд и Маленький Джон» был впервые опубликован в журнале «Интернациональная литература», 1941, № 6.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Марина Цветаева. Из записной книжки. Запись сделана во время работы над переводом поэм Важи Пшавелы в 1940 г. Публикуется по тексту записной книжки.

Марина Цветаева. Два «Лесных Царя». Статья опубликована в журнале «Числа», Париж, 1934, № 10. Печатается по тексту публикации.

А. Эфрон, А. Саакянц

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

ЛИРИКА

Из французской поэзии	
Шарль Бодлер. Плаванье	23
Из английской поэзии	
Вильям Шекспир. Песня Стефано из второго акта драмы «Буря»	30
Из немецкой поэзии	
Иоганн Вольфганг Гёте. Кто с плачем хлеба не вкусал...	32
Из австрийской поэзии	
Райнер Мария Рильке. Кто нам сказал...	33
Из испанской поэзии	
Федерико Гарсиа Лорка. Гитара	34
Пейзаж	35
Селенья	35
Пустыня	36
Пещера	37
Из польской поэзии	
Юлиан Пшибось. Бегство	38
Материк	39
Горизонт	39
Люциан Шенвальд. Рассвет (Вступление к поэме «Сцена у ручья»)	41
Адам Важик. Радость советская	45

Из болгарской поэзии

Елисавета Багряна. Правнучка	47
Никола Ланков. Исповедь	49
Людмил Стоянов. Гусларская	50

Из чехословацкой поэзии

Ондра Лысогорский. Маме	52
Баллада о кривой хате	53
Песня о работнице	54
На Советской Украине	55
Сон вагонов	55

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ И БАЛЛАДЫ

Немецкие народные песни	59
Бретонские народные песни	68
Английские народные баллады	73

ПРИЛОЖЕНИЕ

Марина Цветаева. Из записной книжки	87
Марина Цветаева. Два «Лесных Царя»	88
Примечания	96
Лирика	99
Народные песни и баллады	101
Приложение	102

ПРОСТО СЕРДЦЕ

Редактор *Б. В. Шуплецов*. Художественный редактор *А. П. Куцков*

Технический редактор *С. В. Приданцева*

Сдано в производство 10/X 1966 г. Подписано к печати 19I 1967 г.
Бумага 70X108¹/₃₂ = 1¹/₈ бум. л.: 4,55 печ. л. Уч.-изд. л. 3,2. Изд. № 12/7075.
Зак. № 399. Цена 18 коп.

Издательство «Прогресс»

Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Московская типография № 20 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, 1-й Рижский пер., 2